

Плюх! Белый тканевый мешок, наполненный наполовину ракушками, с глухим стуком упал в набежавшую волну, сопровождаемый испуганным вскриком Юань-Юаня.

Но Гу Тинланю было не до этого. Он, оцепенев, шагнул к человеку в воде. Ледяная морская вода быстро поднялась ему до пояса, а улыбающийся Бай Юньцзи был уже совсем близко.

Увидев, как тот, рассекая волны, в два-три шага устремился к нему, Бай Юньцзи ощутил, как в груди разливается тепло. Кажется, он и впрямь задержался, заставив этого темноволосого юношу на берегу волноваться.

«Под водой действительно...» ...красиво. Я на мгновение потерял счет времени. Прости, заставил тебя волноваться.

Бай Юньцзи не успел закончить фразу на языке жестов. Его рука, поднятая из воды, была тут же перехвачена парой еще более холодных, чем морская вода, ладоней. Он удивленно посмотрел на Гу Тинланя.

В этот миг Гу Тинлань ощущал лишь ледящий холод, пронизывающий все тело. Он до боли стиснул зубы, чтобы не задрожать. Все, что он видел перед собой, было страшнее любого кошмара, из которого невозможно вырваться.

Разорванная в клочья белая рубашка на теле Бай Юньцзи почти ничего не скрывала. Холодная, белая, словно нефрит, кожа была покрыта бесчисленными ранами. Огромные рваные раны, словно от чьих-то когтей, уже успели размокнуть в морской воде и побелеть, из них не сочилось ни капли крови. Один лишь вид этих ран вызывал ужас.

— ...Как это могло случиться? — прошептал Гу Тинлань, его лицо было белым как полотно. Сердце болело так сильно, что онемело. Он несколько раз открывал рот, но не мог издать ни звука. Его ледяные руки дрожали так, что он едва мог их контролировать.

Этот участок моря был проверен бесчисленное количество раз. Как здесь могло быть так опасно! Что же случилось с Бай Юньцзи на дне морском, что он вернулся с такими тяжелыми ранами? Как он мог так беспечно отпустить его одного в море! Почему, видя, что Бай Юньцзи так долго не возвращается, он не пошел его искать!

От одной мысли, что Бай Юньцзи попал в беду из-за его минутного промедления, Гу Тинлань едва не задохнулся.

Бай Юньцзи, видя его испуганное лицо, проследил за его взглядом и только тогда все понял. В пути произошло слишком много непредвиденных обстоятельств, а раны давно перестали болеть. Едва увидев Гу Тинланя, он и вовсе забыл о них.

Раздосадованный, Бай Юньци пошевелил пальцами, пытаясь высвободить руку, чтобы успокоить встревоженного юношу. Но стоило ему шевельнуться, как Гу Тинлань, словно внезапно очнувшись от кошмара, резко отдернул руку.

Бай Юньци ощутил пустоту на запястье. Его зрачки расширились. Не успел он среагировать, как его укутали в мягкий и плотный банный халат. Он едва успел схватиться за край халата, как его тело стало невесомым — его подняли на руки.

Гу Тинлань быстро и осторожно поднял его и широкими шагами направился к вилле. Испуг на его лице исчез, но в темных глазах застыли глубокое самобичевание и скорбь.

Проходя мимо необычайно тихого Юань-Юаня, он низким, хриплым голосом приказал:

— Приготовь медицинскую капсулу.

Страх, ужас, самобичевание — все эти чувства сейчас были не так важны, как раны человека в его руках.

— Да, хозяин, — ответил Юань-Юань детским голосом, полным холодной решимости. Черные круглые глаза робота неизвестно когда подернулись красным светом. Получив приказ, он обогнал Гу Тинланя и первым направился к вилле.

«Я мог бы и сам дойти...» — слабо подумал Бай Юньци. Но выражение лица Гу Тинланя, его все еще дрожащие руки, боявшихся сжать его слишком сильно, не давали ему вымолвить ни слова. Хвост его свернулся, и он, наконец, с запозданием ощутил необъяснимое чувство вины.

Бай Юньци смотрел в его потяжелевшие, мрачные глаза и, после минутного колебания, со вздохом прижался головой к его холодной шее. Помедлив, он ласково потерся о нее.

Гу Тинлань остановился. От этого жеста его сердце сжалось так, что стало больно. В его темных глазах промелькнула дрожь. «Бай Юньци, должно быть, сейчас очень больно, раз он так редко проявляет ласку», — подумал он.

С этой мыслью Гу Тинлань ускорил шаг и, слегка наклонив голову, хрипло прошептал, успокаивая:

— Очень больно? Мы почти пришли.

Не успокоив, а лишь усилив тревогу, Бай Юньци молча покачал головой. Он позволил донести себя до виллы и прямо к медицинской капсуле.

— Хозяин, медицинская капсула готова, — у двери медицинской комнаты их встретил Юань-

Юань на своих колесиках. Его глаза были прикованы к человеку на руках Гу Тинланя. Тихо доложив, он удалился.

Зная, что его раны глубоки и лечение займет немало времени, и видя нахмуренные брови Гу Тинланя, Бай Юньцзи, которого уже собирались поместить в медицинскую капсулу, вдруг высунул руку из халата, чтобы в последний раз успокоить его.

Но его взгляд случайно упал на все еще острые когти. В его сознании мелькнул образ черного нароста, и лицо Бай Юньцзи тут же помрачнело.

— Что случилось? — заметив это, тут же спросил Гу Тинлань, внимательно следивший за его состоянием.

Встретившись с обеспокоенным взглядом Гу Тинланя, недовольство на лице Бай Юньцзи немного улеглось. Он взглянул на прозрачную медицинскую капсулу, уже наполненную медицинским питательным раствором, пошевелил хвостом, ощущая дискомфорт, и жестами показал: «Я хочу принять ванну».

Державший его Гу Тинлань замер, немного колеблясь. Бай Юньцзи был очевидно серьезно ранен, и ванна вряд ли пойдет на пользу его ранам. Но, видя серьезное выражение на лице человека в своих руках, он в конце концов кивнул в знак согласия.

В ванной комнате главной спальни виллы, под тихий плеск воды, поднимался и медленно расползлся по комнате белый пар.

Бай Юньцзи, легко помахивая хвостом, сидел обнаженным в горячей воде ванны. Он чувствовал, как по коже бегут мурашки, а сердце сжимается от отчаяния.

Он искоса взглянул за пределы ванны и, как и ожидалось, увидел Гу Тинланя с нахмуренными бровями и мрачным лицом. В его темных глазах плескалась буря сложных, неразличимых эмоций.

Но сейчас Бай Юньцзи было не до них. Тщательно вымыв обе руки с моющим средством, он наконец убрал когти и сделал последнюю попытку: «Я могу помыться сам».

Он был всего лишь ранен, а не искалечен. За исключением раннего детства, с тех пор как он осознал свою непохожесть на других, он никогда не позволял никому прислуживать ему в ванной.

Но как бы серьезно и искренне он ни просил, Гу Тинлань у края ванны лишь покачал головой и хрипло произнес:

— Ты не видишь свои раны. Я помогу.

После того как Бай Юньцзи снял рубашку, на его теле не осталось ни одного здорового места. Огромная кровоточащая рана на спине была самой пугающей, заставляя воображать, насколько опасной была ситуация.

Гу Тинлань дрожащей рукой, смоченной шелковой губкой, осторожно протирал спину Бай Юньцзи. Сожаление, гнев, самобичевание... бесчисленные эмоции бушевали в его сердце.

Бай Юньцзи тихо вздохнул. В сегодняшних событиях можно было винить кого угодно, но только не Гу Тинланя. Если бы он сам безрассудно не отправился в морскую бездну, ничего бы этого не случилось. А если уж на то пошло, виноват был тот отвратительный нарост на дне моря!

Не желая, чтобы тот и дальше терзал себя, Бай Юньцзи повернулся, взял его за все еще холодную руку и с нежной улыбкой показал жестами: «Не трогай раны, помоги мне лучше помыть хвост!»

Вся буря сложных чувств в душе Гу Тинланя в одно мгновение улеглась. Он ошеломленно посмотрел на Бай Юньцзи, не веря своим глазам. Он помнил, что Бай Юньцзи очень не любил, когда кто-то прикасался к его хвосту. Почему же сейчас...

Что-то сообразив, Гу Тинлань, чьи брови только что расслабились, снова нахмурился. Сначала он внимательно всмотрелся в выражение лица Бай Юньцзи, а затем дюйм за дюймом осмотрел его серебристый хвост, раскинувшийся в ванне.

— У тебя... хвост болит? — нерешительно спросил Гу Тинлань. Он не нашел на хвосте никаких повреждений, каждая чешуйка была цела и невредима. По сравнению с верхней частью тела, хвост выглядел даже слишком хорошо.

Едва произнеся эти слова, Бай Юньцзи пожалел о них. Хвост тритона, будучи его оружием, был невероятно сильным, но в обычной жизни являлся самой чувствительной частью тела. Обычно его касались только партнеры. Просить Гу Тинланя помыть его...

Но внимание Гу Тинланя наконец-то переключилось, и, не желая упускать этот шанс, Бай Юньцзи, скрепя сердце, кивнул и жестами показал: «Да, не очень хорошо себя чувствую».

Разве это не так? От одной мысли о том, чего коснулся его хвост, Бай Юньцзи пробирала дрожь. Пока он размышлял, рука Гу Тинланя с шелковой губкой легонько коснулась его хвоста.

Бай Юньцзи почувствовал, как чешуйки зачесались, и хвост непроизвольно дернулся. Мышцы живота мгновенно напряглись.

Это было слишком странное ощущение. В момент прикосновения словно слабый электрический разряд пронзил его, прошел сквозь твердые чешуйки и ударил прямо в сердце.

Гу Тинлань заметил его движение и тут же остановился. Он с беспокойством посмотрел на Бай Юньцзи и осторожно спросил:

— Больно?

Бай Юньцзи молча покачал головой. Он не мог описать свои ощущения. Не больно, но если он будет продолжать так реагировать, это будет выглядеть так, словно ему очень больно.

«Может, если он будет действовать сильнее, ощущение будет не таким странным?» — подумал он и, изобразив на лице легкую улыбку, жестами показал: «Слишком слабо, немного щекотно».

Гу Тинлань у ванны серьезно кивнул, показывая, что понял.

Пока Бай Юньцзи, с полностью онемевшим от возбуждения хвостом, не был помещен в питательный раствор медицинской капсулы, он все еще не мог прийти в себя.

Он не мог понять, почему, хотя Гу Тинлань и усилил нажим, слабое ощущение электрического тока не уменьшилось, а наоборот, усилилось?

Чтобы сдержать эти произвольные реакции, Бай Юньцзи потратил почти все свои силы. Сейчас, лежа в медицинской капсуле, помимо зуда от заживающих ран, все его мышцы ощущали странную ломоту и слабость.

— Лечение очень болезненное? — спросил Гу Тинлань, стоявший у медицинской капсулы. Заметив его подавленное состояние, он наклонился и тихо спросил, его ясные черные глаза были полны беспокойства.

Встретившись с его взглядом, Бай Юньцзи легонько покачал головой. Глядя сквозь стекло медицинской капсулы на его темные глаза, которые уже не сияли как прежде, его сердце смягчилось.

Подумав, он изогнул свои бледные от потери крови губы в улыбке и, подняв руку, жестами показал: «Я видел под водой очень красивый коралловый риф... красные маленькие толстые рыбки были очень смелыми...»

Когда он рассказывал об этих подводных чудесах, в его улыбающихся синих глазах сияли тысячи огней. Гу Тинлань, глядя на него, почувствовал, как его встревоженное сердце успокаивается. В его нежных темных глазах, кроме него, больше никого не было.

«Но дальнейшая история была не такой уж и интересной», — подумал Бай Юньцзи. Однако, если он не расскажет все до конца, этот человек, вероятно, будет продолжать мучить себя.

С этой мыслью Бай Юньци продолжил свой рассказ на языке жестов: «Я плыл по течению все глубже и глубже в море, и там... на дне... я встретил морское чудовище...»

Увидев его жест, означающий «морское чудовище», зрачки Гу Тинланя резко сузились. Его сердце пронзил ужас. Он еще ближе наклонился к медицинской капсуле и, глядя на лежащего внутри Бай Юньци с нежными чертами лица, ощутил, как все его чувства охватывает чувство облегчения от того, что все обошлось.

Бай Юньци, видя его напряженное лицо, вздохнул про себя и, успокаивающе улыбнувшись, продолжил: «После того как я его победил, я поплыл на поверхность. Едва вынырнув, я столкнулся со стаей дельфинов... они могли использовать особые ментальные волны... дельфин темного цвета по имени Бо... а потом я увидел тебя на берегу...»

По какой-то необъяснимой причине Бай Юньци моргнул своими живыми синими глазами и все же умолчал о том, что заблудился.

Напряженные нервы Гу Тинланя начали расслабляться, когда он услышал, что Бай Юньци выплыл на поверхность и встретил дельфинов. А его рассказ, полный удивления, окончательно развеял все его тревоги.

Удивительная подводная история закончилась. Бай Юньци, глядя сквозь стекло медицинской капсулы на наконец-то просветлевшие глаза Гу Тинланя, с сияющей улыбкой показал жестами: «Подводный мир действительно очень красив. Спасибо, что привез меня сюда».

Затем, не дожидаясь ответа, он с виноватым видом добавил: «Прости, я был слишком безрассуден и заставил тебя волноваться». Ведь они приехали в медовый месяц, а он заставил его так переживать.

— Не извиняйся. Это я не защитил тебя, — с нежностью покачал головой Гу Тинлань. Это была его оплошность. Он должен был пойти в море вместе с Бай Юньци.

«Но ведь я вернулся целым и невредимым? К тому же, разве ты не оставил мне мех?» — не желая, чтобы он винил себя, Бай Юньци с улыбкой показал это жестами и протянул руку, чтобы достать висевший у него на груди черный кулон и показать ему.

Но рука, протянутая вперед, схватила пустоту. Сердце екнуло, рука замерла. Он торопливо провел рукой по шее и, обнаружив, что там ничего нет, застыл с застывшей улыбкой.

— Что случилось? — увидев его помрачневшее лицо, Гу Тинлань тоже нахмурился и тихо спросил.

Глядя на Гу Тинланя за стеклом медицинской капсулы, Бай Юньци почувствовал, как у него в голове стало пусто. Его синие глаза растерянно забегали. ...Его кулон исчез!

***

<http://bllate.org/book/13697/1585467>